

Если художественное произведение живет вне времени, то текст МК существует очень недолгое время, он рассчитан на однократное восприятие с первого раза. Он интересен только в актуальной для него экстралингвистической ситуации. Он прагматичен, он направлен на решение житейских проблем и только применительно к этим проблемам имеет смысл. Поэтому тексты МК, в отличие от текстов художественной литературы, в большинстве своем не подлежат хранению. В электронных архивах представлена лишь небольшая часть речевого массива, порожденного в сфере МК.

Необратимость речи теперь воспринимается как качество коммуникативной ситуации, а не качество отдельных видов речи (например, устной речи), обусловленное физической фактурой и физическими условиями существования речи и физиологическими особенностями нашего организма. Речь в массовой коммуникации или воспринимается с первого раза или становится ненужной и не участвует в дальнейшей коммуникации. Газета или читается с первого раза или выбрасывается. Она изначально не предназначена для перечитывания.

Телеречь или радиоречь также необратимы. Но у них два слоя, два статуса этой необратимости. Они необратимы чисто физически. Но они же необратимы и в силу особенностей коммуникативной ситуации в СМК.

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что интенсификация речевой практики массовой коммуникации не только означает появление текстов новой функциональной разновидности, но и свидетельствует о коренном преобразовании речевой практики общества в целом.

Г. А. Копнина, А. П. Сковородников
Сибирский федеральный университет

Двойное отклонение от нормы как прием речевого воздействия

В одном из интервью своим ученикам Кира Анатольевна Рогова заметила: «...ни одно явление <...> нельзя рассматривать изолированно, оно должно занять свое место в чем-то целом» (Беседа... 2006: 23). Место речевых фактов, о которых ниже пойдет речь,

оказывается до сих пор не определенным в системе различного рода прагматически мотивированных отклонений от нормы (приемов речевого воздействия, или риторических приемов), несмотря на многовековую историю их изучения, а также в практике преподавания таких дисциплин, как стилистика и риторика. Это объясняется тем, что на факты двойного отклонения, или отклонения от отклонения, исследователи обратили внимание только в конце XX века. Так представители льежской школы риторики пишут: «Возьмем текст на современном французском языке. С некоторого момента писатель может решить писать на языке XV в. Поначалу появление черт среднефранцузского, очевидно, будет рассматриваться как фигура, но постепенно отклонение перестает ощущаться. Если текст достаточно велик, оно может превратиться в настоящую условность, и тогда возврат к языку XX в. окажется в свою очередь отклонением» (Общая риторика 2006: 276).

В отечественной риторике наблюдение над подобными фактами содержится в одной из публикаций А. П. Сковородникова: «В связи с проблемой речевой системности синтаксических фигур открывается еще один аспект их риторического функционирования, когда фигура, вышедшая за пределы спорадических индивидуально-авторских употреблений на уровень общелитературной нормы экспрессивного синтаксиса, сама становится «нулевой ступенью» для вторичной фигуры, так сказать, «обратного отклонения». Происходит (при определенных контекстных условиях) отклонение как бы в обратную сторону: маркированной для данного контекста оказывается бывшая «нулевая ступень». Потенциальные возможности синтаксических фигур к образованию соотносительных фигур еще предстоит установить» (Сковородников 1988: 149).

Если понимать норму широко как всевозможные виды и формы порядка (Арутюнова 1999: 75), то следует признать, что факты двойного отклонения неоднородны и по онтологическому содержанию, и по технике отклонения, и по функциональному предназначению. Среди них можно выделить следующие разновидности.

1. Отклонение происходит от такого выражения, которое этимологически является отклонением от использования слов в прямом значении. Это довольно многочисленные случаи так называемой «буквализации метафоры» (Сковородников 2005: 258), в том числе фра-

зеологического типа — «буквализации фразеологического значения», или «разрушения образного значения фразеологизма», «двойной актуализации фразеологизма» (Голуб 1999: 121), например:

В партии Грандиозных обещаний создана инициативная группа, перед которой поставлена задача раскрутить своего кандидата. Ее председателем единогласно выбран механик парковой карусели (Литературная газета. 2005. № 35).

За отравление окружающей среды крупно оштрафован на днях один из российских олигархов, который сорил грязными деньгами в общественном месте (Литературная газета. 2007. № 16).

Используются такого рода «обратные отклонения» не только в газетных малоформатных комических жанрах, но и в художественной литературе, например:

Настоящий Сталин, долгие годы державший в руках рычаги управления страной (так и видишь эти рычаги — черные, с пластмассовыми круглыми набалдашниками. — Примеч. ред.), никогда не показывался на людях (В. Пелевин. Реконструктор).

Его навещали. То девицы, то проходимцы. Проходимцы были в буквальном смысле слова — прямо с вокзала (А. Битов. Оглашенные).

Пылкий Антоний вскоре попал в сети египетской царицы Клеопатры и впал в изнеженный образ жизни. Клеопатра переворачивала его в своих сетях, как револьверную кильку, и часто, вместо обеда, угощала куском жемчужины в уксусе (Всеобщая история, обработанная «Сатириконом»).

...По московской привычке потянул одеяло на себя заезжий щелкопер, однако князь тут же остудил его бесподобным аристократическим взглядом, так что на критике едва не заискрился иной (П. Крусанов. Укус ангела).

Прием буквализации метафоры может структурно организовать целый художественный текст, проходя через него своеобразным лейтмотивом. Так, например, глава «Окно в Европу» в книге «Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» построена на основе буквализации метафоры «прорубить окно в Европу»:

— Окно, государь, вещь опасная. Прорубишь окно, а в него швед влезет.

— А мы ему в шею накладем! — смеялся Петр. — Он и уйдет.

— Уйдет швед, пролезет в окно немец.

— Немцу зачем в окно? Мы его и в дверь пускаем. <...>

Сановники каждую ночь упорно затыкали подушками прорубленное окно в Европу.

По утрам Петр вынимал подушки, а уличенных сановников ссылал и даже казнил.

Основной функцией приема буквализации метафоры является комическая функция — чаще в ее развлекательной разно-

видности, балагурство (Дамм 2003: 7), что иллюстрируют как приведенные выше примеры из художественной литературы, так и следующие газетные тексты различной жанровой принадлежности.

Анекдот:

Встречаются две подружки:

— Ну, как решился твой квартирный вопрос?

— Пока не решился. Но я своего добьюсь! Костыми лягу! И знаю под кого! (Аргументы и факты. 2001. № 25).

Комический диалог:

— Прошу руки Вашей дочери...

— У тебя что, своя отсохла? (Комок. 01.04.2003).

Комический комментарий:

А. Чилингаров, вице-спикер Госдумы: «Мы задачу, которая была поставлена, выполнили: российский флаг находится теперь точно в точке Северного полюса. Существует морское право, право так называемой «первой ночи», и мы его использовали!»

Чтобы пользоваться правом первой ночи в отношении Арктики, надо быть полным отморозком! Несмотря на редкое и красивое имя, больно уж она велика и холодна... (Аргументы и факты. 2007. № 34).

Прикол:

В голове грохот: рушатся грандиозные замыслы! (Шанс. 2008. № 3).

«Сказявочка»:

Жил-был Пот. Он отличался необыкновенной старательностью — постоянно лезвониз кожи (Литературная газета. 2001. № 19–20).

Другой функцией данного приема в пределах комического является аксиологическая (оценочная), например, в таких текстах:

— Почему в Госдуме произошел потоп?

— Видимо, кто-то отмывал деньги... (Аргументы и факты. 2009. № 52).

Дж. Буш, президент США: «Я слышал, что его (экс-премьера Великобритании Блера. — Ред.) называют «пуделем Буша», но он гораздо более крупная фигура». О чем это говорит? О том, что лучше быть лабрадором Путина, чем пуделем Буша! (Аргументы и факты. 2007. № 27).

Добрые врачи.

В одной из больниц Тверской области супруге прооперированного пациента вручили сверток. В нем оказалась... ампутированная нога мужа. «Батюшки, да куда же я ее дену?!» — поразилась женщина. «А похороните», — посоветовали эскулапы. Похоже, выражение «одной ногой в могиле» — не идиоматическая форма речи, а буквальное отражение идиотической реальности нашей жизни... (Комсомольская правда. 14–21.07.2005)

Если в первых двух текстах комическая функция буквализации метафоры выступает как ирония, то в последнем — как сарказм.

Семантика комического может сопровождаться дидактичностью, социальной характеристикой, намеком:

— От любви с первого взгляда есть прекрасное лекарство.

— Какое?

— Взглянуть во второй раз (Сегодняшняя газета. 21.07.2004).

Сын «нового русского» спрашивает у отца:

— Папа, а что такое «бьющая в глаза роскошь»?

— Это, сынок, когда мы твою рогатку инкрустируем брильянтами (Комсомольская правда. 25.02.2000).

Муж спрашивает жену:

— Тебя что, сегодня начальник на ковер вызывал?

— Да, а как ты догадался?

— А у тебя на спине узор отпечатался (Аргументы и факты. 2001. № 25).

Буквальзации подвергаются также сочетания слов, представляющие собой терминологические наименования:

На экзамене по философии препод спрашивает у студентки:

— Скажите, пожалуйста, что имел в виду Кант, говоря о «вещи в себе»?

Та, засмутившись:

— Неужели «Тампакс»? (Комсомольская правда. 16.07.2000).

Заходит мужик в магазин и спрашивает:

— Скажите, а у вас есть коровьи перья?

— Что? Коровьи перья? Что за чушь?

— А птичье молоко не чушь??? (Все в дом! 2007. № 14)

Буквальзации подвергаются приемы, построенные на отклонениях от норм логической, грамматической и нормы лексической сочетаемости, например буквализация паралогического сравнения:

— Официант, Ваш шницель на вкус напоминает старый стоптанный домашний шлепанец, натертый гнилым луком!

— Поразительно, что вам приходилось есть в вашей жизни! (Комсомольская правда. 30.03.2001).

Буквальзация риторического вопроса:

— Какой же русский не любит быстрой езды?

— Который с похмелья едет с женой, тещей и детьми на дачу (Шутка за шуткой. 2003. № 45).

Буквальзация синестезии:

— Дорогая, ты слышишь, как жасмин пахнет?

— Слышу, слышу, я не глухая (Твой Додыр. 2001. № 16).

По сравнению с буквализацией метафоры, рассмотренные случаи более редки.

Отклонение происходит от ненормативного явления, представленного как норма, например:

На улице стоит проститутка лет 16. Подходит мужик:

— Девочка, а если твоя мама узнает, что ты здесь стоишь?

— Она меня убьет! Это ее территория (Комсомольская правда. 01.06.2001).

Недолго проработала на Западе Алла Е., клюнувшая на газетное объявление о наборе девушек в посудомойки. Каково же оказалось ее возмущение, когда после пересечения границы у нее не отобрали, как это заведено, паспорт и не продали ее в заграничный бордель, а действительно привезли в ресторан и заставили мыть грязную посуду (Комсомольская правда. 08.02.2002).

В приведенных примерах ненормативное представлено как норма (первый шаг отклонения), от которой уже и осуществляется отклонение второго порядка (второй шаг). Сравните примеры с одинарным отклонением, в которых ненормативное представлено как норма:

— А среди казахов есть голубые?

— Конечно, есть! Что мы, не мужики, что ли? (Комсомольская правда. 16.02.2001).

Звонок в компьютерный магазин:

— Я у вас принтер купил, не могу его установить.

— А вы руководство по эксплуатации читали?

— Нет, конечно, я что идиот? (<http://www.salon.ru>).

Случаи двойного отклонения от нормы редкое явление, встречающееся в анекдотах и выполняющее функцию комического изображения абсурдных ситуаций:

Гаишник останавливает машину, проверил документы:

— Багажник откройте. Это что такое?!

— Это? Труп...

— Сам вижу, что труп. Аптечка и огнетушитель где? (<http://www.salon.ru>).

В основе третьей разновидности двойного отклонения от нормы лежит принцип рассогласования нормативных оценок или интенций участников диалога.

Таким образом, можно констатировать, что идея отклонения от нормы, выдвинутая еще во времена античности и поддержанная новой риторикой, как показывает рассмотренный материал, оказывается продуктивной не только при разработке общих проблем теории риторического (речевого) приема, но и

частных случаев этой теории и практики ее преподавания, поскольку дает возможность объяснить ранее лингвистически не охарактеризованные речевые факты.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Беседа К. А. Роговой с учениками // Обретение смысла: Сб. статей, посвященный юбилею докт. филол. наук, проф. К. А. Роговой. СПб., 2006. С. 6–27.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 1999.

Дамм Т. И. Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты (лингвостилистический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.

Общая риторика: Пер. с фр. / Общ. ред. А. К. Авеличева. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2006.

Сковородников А. П. Актуальная проблематика теории синтаксических фигур // Риторика и синтаксические структуры: тезисы краев. научно-практ. конф. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 1988. С. 147–151.

Сковородников А. П. Буквализация метафоры // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. М., 2005. С. 258–259.

М. П. Котюрова

Пермский государственный университет

Влияние некоторых черт персонального познавательного стиля на речевую индивидуальность ученого

Стилистические разыскания Киры Анатольевны Роговой удивляют и привлекают неожиданностью синтезирующей интерпретации речевых явлений в публицистическом тексте. Широта функционального подхода к языковым явлениям позволяет вскрыть их организующий, текстовый характер. Поэтому смею считать, что воспринятые мною из работ Киры Анатольевны идеи получают здесь правомерное применение.

Смысловая структура научного текста предоставляет широкие возможности для ее интерпретации и определенной — в каждом случае — аргументации. На основе принципа деятельности